

РУКОВОДСТВО

Д. Л. Я.

СВЯТЫХ ПЯТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~Подписка принимается въ
мѣстѣ четырехъ руб., съ пере- № 10. редакціи сего журнала, при
сылкою пять р. с.~~~~~ кievской семинаріи.

1870 года. Марта 8-го.

Содержаніе: Поученіе въ великій постъ.—Первосвященство Христово по
ученію ап. Павла въ посланіи къ евреямъ.—Нынѣшній римскій соборъ.—
Напрасныя опасенія.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

*Ей Господи, царю! даруй ми зрѣти
моя прегрѣшенія, и не осуждати брата
моего (молитв. св. Ефрема Сир.)*

Есть между нами, бр., одинъ душевный недугъ, ко-
торымъ страждемъ, въ извѣстной мѣрѣ, все мы—мужчины,
а преимущественно женщины. Этотъ душевный недугъ есть
осужденіе ближняго. Судимъ и осуждаемъ мы ближнихъ сво-
ихъ—знаемыхъ и незнаемыхъ, праваго и виноватаго,—всѣхъ,
кто придетъ на умъ и подпадетъ языку нашему. Противъ
тяжкаго недуга сильное требуется и врачевство. Поэтому, не
безъ особенной цѣли, св. Церковь въ теченіи всего велика
го поста постоянно, при богослуженіи, влагаетъ въ уста на-
ши эту краткую, но полную сердечнаго сокрушенія, мо-
литву св. Ефрема Сирина: *сй Господи, царю! даруй ми
зрѣти моя прегрѣшенія, и не осуждати брата моего.*

Апостолъ Іаковъ говоритъ: *языкъ небольшой членъ; но много дѣлаетъ. Посмотри, небольшой огонь какъ много вещества зажигаетъ. И языкъ огонь, прикраса неправды. Всякое естество зѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощаются силою человеческою; а языкъ укротитъ никто изъ людей не можетъ: это неупержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда* (Іак. 3, 5—8). Таково свойство языка человѣческаго, которымъ мы постоянно согрѣшаемъ противъ ближняго, впадая въ осужденіе!

Отчего рождаются между вами иногда ссоры, свары, несогласія? Отчего въ семействахъ, особенно многолюдныхъ, происходитъ домашній разладъ? Отчего сосѣдъ на сосѣда долгое время сердится и негодуетъ? Большею частію отъ пересудъ. Въ домашнемъ быту, при малѣйшемъ столкновеніи, при малѣйшей непріятности, вмѣсто того, чтобы пройти молчаніемъ размовку, начинаютъ укорять другъ друга сначала слабостями, какія знаютъ одинъ за другимъ, затѣмъ слабостями ихъ родственниковъ; отъ этого ссоры и вражда непримиримая, которая почти всегда оканчивается раздѣломъ семействъ. Сосѣдъ на сосѣда долгое время сердится; при взаимной встрѣчѣ не хотятъ по христіански привѣтствовать одинъ другаго словами мира и благожеланія, а иногда даже рѣшаются причинять одинъ другому вредъ. Отчего это такъ бываетъ? Гдѣ скрывается начало этого зла?—По большей части въ пересудахъ.—Осуждающіе и осуждаемые становятся между собою во враждебныя отношенія, укоряютъ другъ друга, мстятъ и вредятъ другъ другу; и если, по устроенію Божію, не примирятся между собою, то злу не бываетъ конца.

Видите, бр., сколько зла причиняетъ грѣшная привычка судить и осуждать ближнихъ! Вы сами знаете по опыту, какъ пріятно для сердца и полезно въ хозяйскихъ дѣлахъ

жить въ любви и согласіи между собою, когда одинъ помогаетъ другому и каждый желаетъ ближнему, чего желаетъ себѣ самому. И царь Давидъ говоритъ: *что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ* (Пс. 132, 1), а порокъ оужденія производитъ въ семействахъ и между сосѣдами раздоръ, разладъ, зложелательство и проч. и, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ отравляетъ ваше счастье, возмущаетъ спокойствіе душевное и отнимаетъ возможность получить отъ другихъ помощь въ нуждѣ.

Осуждать ближнихъ есть вмѣстѣ и тяжкій грѣхъ предъ Богомъ. Всѣ мы чада единого Отца Небеснаго, всѣ искуплены драгоценною кровію единороднаго Сына Божія, запечатлѣны дарами Духа Святаго. Всѣмъ намъ подаются *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3). Отецъ Небесный, Богъ всякія утѣхи подаетъ намъ вся обильно въ наслажденіе. Итакъ любовь Божія къ роду человѣческому безпредѣльна. Эту же самую любовь Господь Иисусъ Христосъ заповѣдалъ роду человѣческому: *о семъ разумють вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоанн. 13, 35), говорилъ Онъ ученикамъ Своимъ. Если Господь такъ любитъ насъ, если Онъ заповѣдалъ намъ имѣть крѣпкую любовь между собою; то какъ же мы—ученики Христовы, смѣемъ, вопреки заповѣди любить ближнихъ, осуждать одинъ другаго?

И опять—какое мы имѣемъ право осуждать ближняго? Одинъ у насъ верховный судія и мздовоздатель—Господь; Онъ все знаетъ и все видитъ; отъ Него не укрываются никакія тайны сердца человѣческаго; Ему одному и принадлежитъ право судить нашу совѣсть, наши слова, дѣла и мысли. Если у васъ въ семействѣ кто-либо въ чемъ провинится; то никто изъ семейныхъ не имѣетъ права судить и наказывать виновнаго, кромѣ старшаго семьянина. Онъ только одинъ имѣетъ право судить и осудить виновнаго

къ наказанію; и тотъ, кто изъ семейныхъ взялся бы за это дѣло безъ воли хозяина, равно подвергся бы наказанію за самоуправство. Всѣ мы на землѣ составляемъ одну великую (Еф. 4, 4) христіанскую семью, верховный глава которой есть Господь Іисусъ Христосъ. Ему одному принадлежитъ и право судить нашу совѣсть и цѣнить наши дѣла. Итакъ когда мы беремъ судить ближняго, то беремъ совершенно не за свое дѣло, и чрезъ это навлекаемъ на себя гнѣвъ Божій.

Правда, есть пороки и преступленія, которые могутъ причинять явный вредъ не одному человѣку, а цѣлымъ селеніямъ и обществу; эти пороки, конечно, нельзя проходить молчаніемъ. Но для ограниченія и искорененія подобнаго зла существуютъ отъ Бога установленныя власти—сельскія, волостныя и прочія, которыя и обязаны судить и наказывать виновныхъ, и то не по собственному произволу, а по законамъ, дарованнымъ отъ Бога и Государя.

Мы судимъ и осуждаемъ, какъ фарисей мытаря, нашихъ ближнихъ за ихъ желанія, мысли и дѣла. А между тѣмъ сколько въ душѣ каждаго изъ насъ кроется пороковъ самыхъ тяжкихъ, мыслей и желаній самыхъ гнусныхъ! Всѣ мы грѣшимъ на каждомъ шагу, каждую минуту, и словомъ, и дѣломъ и мыслями. Что осмѣиваемъ въ другихъ, то самое сторицею есть въ насъ самихъ. Въ глазѣ ближняго видимъ сучецъ, а во своемъ глазѣ бревна не видимъ (Матѣ. 7, 3). Поступая такимъ образомъ мы сами себя дѣлаемъ безответными предъ Богомъ. Отъ устъ твоихъ сужду тебя, скажетъ Господь каждому, кто осуждаетъ ближняго за то, что есть въ немъ самомъ. Св. апостоль Павелъ говоритъ: *нѣтъ тебѣ никакого извиненія, челвѣкъ, судящій другаго; ибо, тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другаго, осуждаешь себя; потому что, судя другаго, ты самъ дѣлаешь тоже* (Римл. 2, 1). Итакъ не другихъ осуждать, а разбирать свои дѣла ми-

мошедшія, провѣрять самихъ себя намъ необходимо. Если каждый изъ насъ безпристрастно раскроетъ совѣсть предъ собою, то какая бездна зла предстанетъ взору нашему! Есть о чемъ воздыхать предъ Господомъ, есть о чемъ болѣзновать! Ей Господи, царю! разрѣши нашу слѣпоту духовную, и даруй намъ зрѣти наши прегрѣшенія.

Братіе! удержимъ языкъ свой отъ зла (Пс. 33, 14), отъ осужденія ближнихъ нашихъ, особенно въ эти великіе дни святой чотырдесятницы. Самъ Спаситель насъ учитъ: *не судите, да не судими будете* (Матѳ. 7, 1), то есть, не судите людей, чтобы Господь не осудилъ васъ за это въ будущей жизни. Языкъ слабъ и словоохотливъ на пересуды всего болѣе у женщинъ, а преимущественно у старушекъ. Имъ-то болѣе другихъ надобно помнить заповѣдь Спасителя: *не судите, да не судими будете*. Аминь.

Села Ракома Свящ. *Петръ Георгіевскій*.

Новгор. уѣзда.

ПЕРВОСВЯЩЕНСТВО ХРИСТОВО ПО УЧЕНІЮ АП. ПАВЛА ВЪ ПОСЛАНІИ БЪ ЕВРЕЯМЪ ¹⁾.

Порицаніе читателей, предостереженіе имъ и ободреніе.
(5, 11—6, 20).

Не приступая прямо къ истолкованію приведеннаго въ ст. 6. псаломскаго текста, апостоль сначала предпосылаетъ своимъ читателямъ, частію *порицаніе* ихъ, частію *предостереженіе* и частію *ободреніе*. Приведенное выше изреченіе, что Христосъ есть первосвященникъ по чину Мелхиседекову, имѣетъ, говоритъ апостоль, глубокое значеніе и

Даетъ поводъ къ важному наставленію; но, къ сожалѣнію, читатели его потеряли способность къ разумѣнію такихъ глубочайшихъ истинъ. Для нихъ, какъ для учениковъ, стало почти необходимымъ предлагать снова *начатки* христіанскаго ученія, хотя они уже такъ давно живутъ въ христіанствѣ, что *могли* бы сами быть учителями (5, 11—14). Но потому-то именно, что они уже такъ давно стали христіанами, апостоль не хочетъ теперь снова предлагать имъ первые элементы христіанства, а приступить тотчасъ къ болѣе возвышенному ученію о *первосвященствѣ Христоваго*, такъ какъ безъ того не возможно однимъ наставленіемъ въ начаткахъ обращать отпадшихъ отъ Церкви, послѣ духовнаго вкушенія ими благодати и истины въ христіанствѣ. Такое постыдное отпаденіе отъ Церкви есть новое распятіе Христа, и за нимъ обыкновенно слѣдуетъ полное ожесточеніе и за тѣмъ вѣчное отверженіе Богомъ (6, 1—18). Но—обращается апостоль къ прежде сказанному—читатели его, по милости Божіей, еще не дошли до полного отпаденія отъ вѣры; за это ручается ихъ любовь къ ближнимъ, которую они показали и теперь показываютъ, и за которую Богъ не оставляетъ безъ награды. Только пусть они не охладѣваютъ въ ревности, но, по образу своихъ праотцевъ, мужественно стремятся къ достиженію цѣли своей надежды, вѣчнаго блаженства (6, 9—20).

Ст. 11. Выраженіе *о немъ же* нѣкоторые принимаютъ за мужескій родъ и относятъ его къ *Мелхиседеку*; другіе же принимаютъ за средній родъ и относятъ къ цѣлому предшествующему предложенію. Слѣдуетъ предпочесть послѣднее мнѣніе. Нѣкоторые дополняютъ этотъ стихъ словами: *надлежало бы*, какъ въ нашемъ русскомъ переводѣ: »о семъ надлежало бы намъ говорить многое«; но едвали основательно; потому что апостоль дальше дѣйствительно распространяется подробно объ этомъ предметѣ. Гораздо есте-

ственно же дополнить словомъ: *надлежитъ* (ἐπιτελεῖν, а не ἔσθαι). Итакъ: *о немъ же* (именно о первосвященствѣ Христовомъ, по чину Мелхиседекову) *многое намъ слово и не удобъ сказанное* (надлежитъ) *глаголати*, — *поиже немощи бысте слухи*. Слово *слухи*—ἀκοή естественно нужно понимать въ смыслъ *духовной способности пониманія*, а прошедшее—*бысте*—ὑπέβουτε указываетъ на то, что *прежде* читатели имѣли большую воспріемлемость къ ученію.

Ст. 12. Не безъ основанія апостолъ сдѣлалъ своимъ читателямъ упрекъ въ томъ, что они стали не способны слушать: *ибо, продолжаетъ онъ здѣсь дальше, должны суще быти учителя лютъ ради, паки требуете учитися, кая писмена начала словесъ Божіихъ, и бысте требующе млека, а не крѣпкія пици*. Истина для нашей души тоже самое, что пища и питіе для тѣла; всякое истинное наставленіе, всякое сообщеніе истины есть *питаніе* души и всякое воспріятіе истины есть *духовное яденіе*. Поэтому какъ въ тѣлесной, такъ и въ духовной пищѣ нужно различать пищу, пригодную для дѣтей и для взрослыхъ, и первые начатки христіанскаго ученія называть *млеко*мъ, а высшее ученіе *крѣпкою* (твердою) *пищею* (ср. 1 Кор. 3, 2).—*Лютъ ради*—ἐκ τῆς χάριτος, т. е. судя по продолжительности времени вашего пребыванія въ христіанствѣ. Касательно пониманія слова *кал*—καλ, толковники расходятся. Одни принимаютъ его за *неопредѣленное мѣстоимѣніе*—τις и какъ подлежащее къ διδάσκειν—*учитися*: «чтобы кто-нибудь васъ училъ»; другіе же (какъ напр. Тишендорфъ) принимаютъ за *вопросительное мѣстоимѣніе*—τις, относя его къ слову *писмена*—στοιχεῖα: «чтобы васъ учили, какіе первыя элементы, стіхія». Первое толкованіе повидому заслуживаетъ преимущество, потому что по послѣднему толкованію не достаеъ подлежащаго къ слову διδάσκειν и слѣдовало бы въ такомъ случаѣ ожидать διδάσκοντες (ср. 1 Сол. 4, 9). Подъ словомъ

τὴ στοιχειά, по славянскому переводу *писма на*, нужно понимать начальные основанія, основные элементы науки, и родительный — αρχῆ: *начала* служить только къ усиленію рѣчи. Къ этимъ начальнымъ основаніямъ, къ этому »млеку« христіанскаго ученія, апостоль причисляетъ поименованные въ 6, 1 и д. пункты; къ »твердой же пищѣ« онъ относитъ ученіе о первосвященствѣ Христовомъ по чину Мелхиседекову, которое онъ развиваетъ въ 7, 1 и д.

Ст. 13 и д. Связь мыслей здѣсь съ перваго взгляда представляется не совсѣмъ послѣдовательною. Апостоль хочетъ именно представить *основаніе* (»ибо«), почему читатели его нуждаются въ млекѣ, а не въ твердой пищѣ. При этомъ слѣдовало бы ожидать, что онъ скажетъ: »ибо всякій, не свѣдущій въ ученіи правды, питается молокомъ, потому что онъ младенецъ«. Но вмѣсто этого онъ говоритъ наоборотъ: *всякъ бо причащайяся млека, неискусенъ слова правды: младенецъ бо есть*. Эта неточность лучше всего объясняется тѣмъ, что предъ взоромъ апостола при этомъ была главная мысль всего предложенія. Главная же мысль выражена въ ст. 14: *совершенныхъ же есть твердая пища, и мушнихъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе же добра и зла*. Въ первыхъ словахъ этого стиха: *совершенныхъ же есть твердая пища* заключаетъ *основаніе* сказанному въ заключеніи ст. 12. Связь мыслей поэтому принимаетъ здѣсь слѣдующій видъ: »вы снова стали нуждаться въ молокѣ, а не въ твердой пищѣ; потому что твердая пища назначается для совершеннолѣтнихъ, между тѣмъ какъ питающійся молокомъ оказывается младенцемъ и такимъ образомъ не свѣдущимъ въ ученіи правды«. Выраженіе: *слово правды* различно толкуется. Одни разумѣютъ подъ этимъ ученіе объ *оправданіи* чловѣка. Но ученіе объ оправданіи апостоль въ 6, 1. относитъ къ начаткамъ христіанскаго ученія и, судя по общей

связи рѣчи, подѣ словомъ *правды* онъ несомнѣнно разумѣетъ *высшее* ученіе христіанства, особенно ученіе о первосвященствѣ Христовомъ по чину Мелхиседекову. Къ истинному разумнѣю выраженія приводитъ насъ слѣдующее. То самое, что апостоль называетъ здѣсь *словомъ правды*, въ 6, 1. называетъ *совершеніемъ* или совершенствомъ (*τελειότης*); слѣдовательно *слово правды* тоже, что и *слово совершенство*, и такъ какъ родит. существ., по гебраизму, стоитъ въ значеніи прилагательнаго, то это выраженіе однозначительно съ выраженіемъ—*слово свершенное*, т. е. высшее, совершенное ученіе. Употребить же здѣсь слово *совершенство*—*τελειότης* апостоль не нашель удобнымъ, такъ какъ дальше слово *совершенныхъ*—*τελειών*. Не невѣроятно также, что апостоль этимъ выраженіемъ хотѣль сдѣлать намекъ на имя *Мелхиседекъ*, которое онъ ниже 7, 2. переводить *царь правды*. Слѣдовательно все это выраженіе не иное значить, какъ тоже, что апостоль въ 1 Кор. 2, 6 и д. называетъ христіанскою *премудростію*. Подѣ *совершенными* (*τελειοι*) въ противоположность къ младенцамъ (*νηπιοι*) нужно разумѣть *духовно зрѣлыхъ*, *возрастныхъ*, какъ это видно изъ объяснительнаго предложенія: *имущихъ чувства... и зла*. Выраженіе *чувствія*—*τὸ αἰσθητικόν*, собственно «органъ чувства», нужно понимать здѣсь въ смыслѣ *духовнаго чувства*, способности сужденія. Подѣ *добрымъ* и *злымъ* разумѣется ближе всего *истинное* и *ложное*, такъ какъ здѣсь главнымъ образомъ рѣчь идетъ о *познаніи* истиннаго ученія. И такъ *духовно совершеннѣтніе* въ христіанствѣ суть тѣ, которые *практически* упражненіемъ въ христіанской истинѣ развили свое внутреннее чувство, такъ что могутъ различать въ ученіи истинное и ложное, хорошее и дурное. За тѣмъ, въ этихъ словахъ косвенно выражается та мысль, что для болѣе глубокаго проникновенія въ ученіе и тайны христіанства, нужно ихъ осуществлять въ *жизни*.

6, 1 и д. За предшествующимъ порицаніемъ слѣдуетъ теперь косвенное *предостереженіе*: хотя читатели въ разумѣніи христіанскихъ истинъ снова стали дѣтьми, однако онъ не будетъ имъ снова повторять начальныхъ основаній, какъ бы азбуки христіанства, такъ какъ это было бы бесполезно; онъ перейдетъ къ болѣе глубокимъ истинамъ.— Первый стихъ допускаетъ двоякое пониманіе. Можно во первыхъ принимать его какъ *увѣщаніе* читателей, и *совершенство* τελειότης, въ соотвѣтствіе *совершенныя*—τέλειον 5, 14, будетъ при этомъ означать »полную зрѣлость«. Поэтому смыслъ этого стиха будетъ слѣдующій: »поему (такъ какъ вамъ, судя по времени, прилично быть возрастными въ евангеліи, а не дѣтьми), оставивъ начатки ученія Христова, вступимъ въ зрѣлый возрастъ«. Но рѣшительное преимущество заслуживаетъ другое объясненіе, по которому апостолъ въ этомъ стихѣ объявляетъ свое намѣреніе, которое онъ дѣйствительно и исполняетъ въ слѣдующей главѣ. Въ такомъ случаѣ τελειότης—*совершенство*, какъ выше 5, 13. *ὁ λόγος; δικαιώσις*—*слово правды* означаетъ »совершенное ученіе« въ противоположность къ λόγος τῆς ἀρχῆς τοῦ Χριστοῦ и смыслъ здѣсь будетъ такой: *тѣмъ же* (такъ какъ, судя по времени, вы должны бы уже быть учителями и никто изъ васъ не захочетъ быть младенцемъ) я намѣренъ, *оставивъ начала Христова слово, на совершеніе*, т. е. къ совершенному ученію евангелія, *да ведемся*, т. е. хочу поспѣшить. Въ пользу такого толкованія, независимо отъ того, что слова *оставивше... слово и не паки основаніе полагающе* лучше подходятъ къ апостолу, какъ *учителю*, чѣмъ къ читателямъ, какъ *ученикамъ*, свидѣлствуетъ ст. 3. и особенно рѣшительно слова *невозможно... паки обновляти* ст. 4—6. Поэтому частица *тѣмъ же*—*διὸ* относится къ выраженному выше неудовольствію апостола, что они остаются *младенцами*, хотя по времени должны бы уже быть

учителями. Выраженіе начала Христова слово совершенно соотвѣтствуетъ выраженію писмена начала словеса *Βοηθία* 5, 13. и означаетъ слѣдовательно начальное и элементарное ученіе христіанства. Но это элементарное ученіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *основное, фундаментальное* ученіе христіанской вѣры; по этому апостоль продолжаетъ: *не накі основаніе покаянія полагающе* и проч. Въ выраженіи *основаніе полагающе*—*θεμέλιον καταβάλλοντες*, христіанская вѣра сравнивается съ строеніемъ, для котораго прежде всего должно быть положено надлежащее основаніе, твердый фундаментъ, чтобы послѣ надежно приступить къ дальнѣйшей постройкѣ. Въ этомъ же смыслѣ говоритъ апостоль въ 1 Кор. 3, 10 и д., что онъ своею проповѣдью *положилъ основаніе* у коринѳянь; а другіе уже *продолжали строить* на этомъ основаніи. Такихъ основныхъ и фундаментальныхъ истинъ насчитывается далѣе *шесть*. Но прежде чѣмъ приступимъ къ объясненію каждаго изъ слѣдующихъ выраженій, мы должны напередъ рѣшить здѣсь вопросъ о конструкціи и чтеніи нѣкоторыхъ словъ текста. Въ общепринятомъ текстѣ (Recepta), по авторитету большей части рукописей (A. C. D. E. K. L. al.) въ ст. 2. читается *διδαχῆς*; по этому чтенію сдѣланъ и нашъ славянскій переводъ; этого чтенія держится и Вульгата. По чтенію же Лакмана и манускрипта В. стоитъ *διδαχῆν*. Если мы будемъ держаться перваго чтенія, какъ наиболѣе засвидѣтельствованнаго, то возможна при этомъ *тройкаго* рода конструкція, именно а), шесть родительныхъ *μετανοίας* (покаяніе), *πίστεως* (вѣры), *διδαχῆς* (ученія), *ἐπιθέσεων* (возложенія), *ἀναστάσεως* (воскресенія) и *κρίματος αἰωνίου* стоять въ зависимости отъ *θεμέλιον* (основаніе). Въ такомъ случаѣ мы должны переводить: »не полагая снова основанія покаянію отъ мертвыхъ дѣлъ и вѣрѣ, ученію о крещеніи, возложеніи рукъ« и т. д. Но совершенно однако не уместно между покаяніемъ, вѣрою,

возложеніемъ рукъ стоять вдругъ *ученію* о вѣщеніи, слѣдовало бы ожидать *самаго крещенія*. Поэтому—б), другіе толковники три первые родительные *μετανοίας, πίστεως* и *διδασχῆς* ставятъ въ зависимости отъ *θεμέλιον*, а четыре другіе *βαπτισμῶν, ἐπίθεσις χειρῶν, ἀποστάσις νεκρῶν* и *κρίματος αἰωνίου* отъ *διδασχῆς*: »не полагая снова основанія покаянію отъ мертвыхъ дѣлъ и вѣрѣ, ученію о крещеніи, возложеніи рукъ« и проч. Но не зависимо отъ того, что эта конструкція слишкомъ искусственна, она имѣетъ противъ себя то, что *покаяніе и вѣра* стоять сначала какъ самостоятельныя, а потомъ уже слѣдуетъ *ученіе* о крещеніи и т. д. Апостоль, конечно, не то хочетъ сказать, что онъ не будетъ больше говорить о покаяніи и вѣрѣ вообще, онъ не намѣренъ только предлагать здѣсь основныхъ истинъ *ученія*, и къ этимъ основнымъ истинамъ принадлежатъ и ученіе о покаяніи и вѣрѣ, какъ основныхъ требованій для вступленія въ Церковь. Поэтому лучше всего—в), родительный *διδασχῆς* непосредственно соединять съ *θεμέλιον*, а другіе шесть родительныхъ поставлять въ зависимости отъ *διδασχῆς*: »не полагая снова основанія ученію объ обращеніи отъ мертвыхъ дѣлъ и вѣрѣ въ Бога, о крещеніяхъ, о возложеніи рукъ, о воскресеніи мертвыхъ и о судѣ вѣчномъ«. Одно, что можно сказать противъ такой конструкціи, это то обстоятельство, что *διδασχῆς* такъ далеко стоитъ отъ управляющаго слова *θεμέλιον*. Но апостоль хотѣлъ, конечно, *διδασχῆς* поставить первоначально въ самомъ концѣ, а такъ какъ зависящихъ отъ него родительныхъ слишкомъ много, то апостоль и поставилъ его въ срединѣ и соединилъ послѣдніе родительные частицею *τι* (же).—Съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ совпадаетъ совершенно смыслъ чтенія *διδασχῆς*; потому что винит. *διδασχῆς* стоитъ въ соподчиненіи *θεμέλιον*, а всѣ родительные зависятъ отъ *διδασχῆς*: »не полагая снова какъ основаніе ученіе о покаяніи и вѣрѣ« и т. д. Переходимъ

теперь къ объясненію частныхъ. — *Первымъ* основнымъ предметомъ ученія называется здѣсь *ἡ δόξα μετανοίας* — *ученіе покаянія* или »ученіе объ обращеніи«. Слово *μετανοία* означаетъ первоначально »измѣненіе мыслей«, потомъ въ нравственномъ смыслѣ: внутреннее обращеніе отъ зла къ добру, слѣдовательно *покаяніе*. Это слово точнѣ опредѣляется здѣсь прибавленіемъ *ἡπὸ νεκρῶν ἔργων*. »Мертвыя дѣла« суть тѣ дѣла и поступки, въ которыхъ недостаетъ жизненной силы спасающей благодати, и которые человѣкъ совершаетъ въ безблагодатномъ состояніи, равно какъ и тѣ дѣла и поступки, которые приводятъ за собою душевную смерть, слѣдовательно грѣхи (ср. 9, 14). Въ послѣднемъ смыслѣ нужно и здѣсь принимать это выраженіе. Ученіе о покаяніи есть *первое* основное ученіе христіанства, такъ какъ внутреннее обращеніе отъ грѣха есть первое требованіе для вступленія въ царство Божіе и для участія въ спасительныхъ благахъ его. *Μετανοείτε* *покайтесь* было поэмому и первымъ словомъ, съ каковымъ Предтеча Христовъ явился въ пустынь; съ *μετανοείτε* и Христосъ открылъ (Марк. 1, 15) свою проповѣдь, и когда послѣ сошествія Св. Духа ап. Петръ выступилъ съ публичною проповѣдью въ Іерусалимѣ, первымъ словомъ снова было *μετανοείτε* (Дѣян. 2, 38). Но вслѣдъ за *μετανοείτε* было: *καὶ μετανοείτε ἐν τῷ σῶμα ὑμῶν*. По этому и здѣсь *вторымъ* основнымъ предметомъ ученія называется ученіе о *вѣрѣ* въ Бога. Здѣсь употреблено выраженіе *πίστις ἐπὶ θεῷ* вмѣсто *πίστις εἰς θεόν*. Но выраженіе *πίστις ἐπὶ θεῷ* выражаетъ больше, чѣмъ одну вѣру въ бытіе Божіе; въ *εἰς* выражается движеніе воли къ Богу, слѣдовательно по крайней мѣрѣ начало любви къ Богу. Блаженный Августинъ различаетъ по этому *credere in Deum* отъ простаго *credere Deo*. Эта вѣра въ Бога, это обращеніе къ Богу въ надеждѣ и любви есть корень и основаніе оправданія, и поэтому ученіе о вѣрѣ есть одна изъ основныхъ истинъ христіанства. — *Третьимъ* эле-

ментарнымъ ученіемъ называется здѣсь *διδαχὴ βαπτισμῶν* — ученіе о крещеніяхъ. Множеств. *βαπτισμῶν* различно объясняется. Одни думаютъ что апостолъ этимъ хотѣлъ указать на *тро-якое крещеніе*, такъ называемое крещеніе *водою, огнемъ и кровію*; другіе думаютъ что этимъ указывается на *трое-кратное погруженіе* (50 ап. правило: *τρία βαπτισματα μετ' ὑποψευς*); еще иные объясняютъ о множествѣ *тѣхъ*, надъ которыми совершалось крещеніе. Но лучше всего поймемъ мы употребленіе множеств. числа, допустивъ, что апостолъ подъ выраженіемъ *βαπτισμοί* обнималъ въ мысли іудейскія омовенія, а можетъ быть и крещеніе Іоанново, какъ аналогическія съ христіанскимъ ученіемъ. Слѣдовательно: ученіе объ іудейскихъ омовеніяхъ и ихъ отношеніи къ христіанскому крещенію, о типическомъ значеніи первыхъ; о крещеніи Іоанновомъ; о сущности христіанскаго крещенія и т. д. Такое объясненіе находитъ свое подтвержденіе въ словѣ *βαπτισμῶν*. Собственно христіанское крещеніе въ новомъ завѣтѣ всегда называется *βαπτισμα*; *βαπτισμος* же есть общее понятіе, обнимающее въ себѣ всѣ роды омовеній и очищеній (ср. 9, 10. Марк. 7, 8). — *Четвертымъ* основнымъ предметомъ ученія называется ученіе о *возложеніи рукъ*. Возложеніе рукъ употреблялось еще въ ветхомъ завѣтѣ, какъ *символъ* сообщенія всякой милости и даровъ. Такъ Іаковъ возлагаетъ свои руки на Ефрема и Манассію, чтобы *сообщить* имъ *милость* Іеговы (Быт. 48, 13 и д.), и Іисусъ Навинъ исполняется *Духомъ премудрости*, потому что Моисей возложилъ на него свои руки (Втор. 34, 9). Изъ ветхаго завѣта это символическое дѣйствіе перешло и въ новыи завѣтъ: апостолы возложеніемъ рукъ сообщали здравіе (Лук. 13, 13. Дѣян. 28, 8). Здѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣется то возложеніе рукъ, которое въ апостольскія времена, а потомъ и позже совершалось вслѣдъ за крещеніемъ и о которомъ упоминается въ Дѣян. 8, 17 и д. 19, 6. Но это возложеніе рукъ не было однимъ

только символическимъ *обрядамъ*, но съ нимъ соединялось сообщеніе Св. Духа, иными словами: это было *таинственное* дѣйствіе, продолжающееся въ Церкви въ таинствахъ миропомазанія.—*Пятымъ и шестымъ* основнымъ предметомъ христіанскаго ученія указывается ученіе о *воскресеніи мертвыхъ и вѣчномъ судѣ*. Подъ первымъ нѣкоторые толковники признають только воскресеніе людей *благочестивыхъ*, а подъ послѣднимъ только судъ *нечестивыхъ*. Но не видно никакого основанія, почему здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ объ основныхъ предметахъ ученія, не разумѣть того и другаго выраженія въ общемъ смыслѣ и относить ко *всѣмъ* людямъ. Правда, въ новомъ завѣтѣ *ἀνάστασις*—*воскресеніе* чаще всего употребляется, когда говорится о воскресеніи *благочестивыхъ*, а *κρίσις*—судъ, когда говорится о судѣ надъ *нечестивыми*; однако это не вездѣ (ср. Іоан. 5, 29. Дѣян. 24, 25). Судъ называется *вѣчнымъ* ради *вѣчныхъ* его послѣдствій.—Обращая вниманіе на указанные здѣсь шесть основныхъ предметовъ христіанскаго ученія, мы видимъ ихъ расположенными въ послѣдовательномъ порядкѣ и раздѣленными на *три* группы. Сначала *обращеніе* отъ грѣховъ и *впра* въ Бога, какъ основныя условія для вступленія въ царство Христово; потомъ *крещеніе* и восполненіе его *возложеніе рукъ*, какъ дѣйствительное полное вступленіе въ это царство; наконецъ *воскресеніе* и *всеобщій судъ*, какъ совершеніе этого царства. Ст. 3. Чтеніе колеблется между *будущ.* *ποιήσομεν* (В. К. L al. Итал., Вульг., Злат. и др.) и *аорист.* сослаг. *ποιήσωμεν* (A. C. D. E. al.). Но такъ какъ послѣднее образовано кажется по *φερώμεθα* ст. 1., то нужно съ Лахм. и Тишенд. предпочесть первое чтеніе, по какому сдѣланъ и нашъ славянскій переводъ. Но спрашивается сначала, къ чему относится *τοῦτο*—*сіе*? Нѣкоторые толковники, какъ наприм. Рибера, Кальметъ и др. относятъ къ *θεμέλιον καταβάλλουσιν* ст. 1.; тогда смыслъ былъ бы здѣсь такой: »и

сiе, именно основоположеніе изложеніемъ основныхъ началъ, мы сдѣлаемъ въ другое, удобное время, если Богъ позволитъ». Но противъ такого сочетанія рѣшительно говоритъ слѣдующее выраженіе *ἀδύνατον γάρ*—*невозможно бо*, въ которомъ высказывается основаніе, почему апостолъ не хочетъ снова начинать съ первыхъ основныхъ истинъ ученія христіанскаго. Поэтому мы съ большинствомъ толковниковъ *ταύτο*—*сiе* должны относить къ словамъ—*на совершеніе да будемся*. Смотри по тому, примемъ ли мы первый стихъ за увѣщаніе, или за объясненіе апостола своихъ намѣреній, и эти слова могутъ быть объясняемы двояко. Принимая за увѣщаніе, получимъ смыслъ: »и сiе (поспѣшить къ совершенству) да совершимъ, если Богъ позволитъ«. Изъ такого пониманія произошло чтеніе *πιστεύετε*; но такое увѣщаніе было бы слишкомъ блѣдно. Лучше слѣдовательно признать этотъ стихъ за объясненіе апостола о своемъ намѣреніи: »и сiе (именно переходъ къ совершеннѣйшему ученію) мы сдѣлаемъ, если Богъ позволитъ«. При такомъ пониманіи стихъ этотъ составитъ переходъ къ тому, что апостолъ говоритъ въ гл. 7. и слѣдующіе стихи 4—20 составляютъ отступленіе, вставку.

X. О.

НЫНѢШНІЙ РИМСКІЙ СОБОРЪ.

II¹⁾

Еще прежде открытія собора въ Римѣ, отъ членовъ его требовали клятвеннаго обѣщанія хранить въ тайнѣ все, что будетъ совершаться на соборѣ; и теперь, послѣ открытія собора, это требованіе повторялось неоднократно—то чрезъ предсѣдателей конгрегацій, то непосредственно са-

¹⁾ См. № 2 и

кимъ папою. Основываясь на примѣрѣ тридентскаго собора, который просилъ и увѣщавалъ преподобныхъ легатовъ и президентовъ не придавать оглашенію никакихъ декретовъ и преній собора, не показывать протоколовъ засѣданій лицамъ постороннимъ, не извѣщать ни о чемъ, что происходитъ на соборѣ, — предѣдатель нынѣшняго римскаго собора дѣлаетъ подобное же предостереженіе и настоятельно подтверждаетъ оное къ непремѣнному исполненію всѣмъ лицамъ собора, всѣмъ при немъ служащимъ, богословамъ, экспертамъ и всѣмъ состоящимъ въ какомъ либо отношеніи къ собору и къ поименованнымъ лицамъ. Не смотря на все это, многое, что дѣлается въ конгрегацияхъ и въ общихъ засѣданіяхъ, и почти все относящееся къ собору, но совершающееся за стѣнами соборной залы, довольно извѣстно во всѣхъ образованныхъ странахъ міра. Видно, требованія и сила гласности могущественнѣе декретовъ мнимой главы западной церкви и собраться отъ ней въ настоящее время не подѣ силу даже самимъ іезуитамъ. Справедливо сѣтованіе Пія IX, что теперь уже недостаточно, какъ было прежде, при его предшественникахъ, одного слова, одного взгляда намѣстника Христова, чтобы всѣ исполняли его волю. Нынѣ, говоритъ онъ, невѣріе и соблазнъ повсюду преобладаютъ; они-то и перевернули всѣ отношенія. Тайны собора выдаются, несмѣря на присягу, сами члены собора. Въ конгрегациі 15 января деканъ легатовъ прямо обвинилъ нѣсколькихъ прелатовъ въ томъ, что они не вполне совѣстливо наблюдаютъ храненіе въ тайнѣ преній собора; тоже заявилъ и самъ первосвященникъ въ полномъ собраніи епископовъ. Особенно заботятъ и возмущаютъ римскую курію корреспонденты газетъ, живущіе теперь въ Римѣ, по порученію многихъ редакцій, которые, имѣя дѣло съ іезуитами, держатся ихъ правилъ и не стѣсняются выборомъ средствъ для достиженія своей цѣли. Они подслушиваютъ, искусно

вывѣдываютъ и сообщаютъ въ газеты все, что дѣлается тамъ въ настоящее время. Одинъ корреспондентъ парижской газеты имѣлъ доступъ даже въ самыя секретныя совѣщанія членовъ собора и, разумѣется, передалъ газетѣ все, что тамъ видѣлъ и слышалъ. Онъ добылъ себѣ бумаги одного епископа, не имѣвшаго возможности, по старости лѣтъ, явиться на соборъ, и подъ его именемъ, въ качествѣ епископа, входилъ во всѣ собранія въ продолженіе почти мѣсяца, пока подлогъ не открылся. Впрочемъ и клерикальныя газеты, дѣйствующія съ вѣдома и по внушенію римской куріи, въ видахъ содѣйствія ультрамонтанамъ и противо-дѣйствія оппозиціи, сообщаютъ достаточно свѣденій о настоящемъ соборѣ въ Римѣ и его занятіяхъ.

Свѣденія, почерпаемыя изъ показанныхъ источниковъ, даютъ возможность, конечно не все, но многое, знать о томъ, чѣмъ занимаются на римскомъ соборѣ, какъ ведутся его дѣла, чего желаетъ папа и какъ относятся къ стремленіямъ римскаго первосвященника епископы и пр., и по этимъ даннымъ судить о значеніи нынѣшняго мнимо-вселенскаго собора въ Римѣ, и о томъ, какихъ благъ можетъ ожидать отъ него католическій міръ.

На общихъ засѣданіяхъ публичныхъ, при открытыхъ дверяхъ, предѣдательствуетъ, въ качествѣ главы церкви, самъ первосвященникъ римскій; конгрегаціи же, на которыя посторонніе лица не допускаются, составляются подъ предѣдательствомъ и руководствомъ кардиналовъ, назначенныхъ папою, знающихъ его стремленія, сочувствующихъ имъ и направляющихъ весь ходъ дѣлъ такъ, чтобы во всемъ угодить святѣйшему отцу. Предѣдатели конгрегаціи, равно какъ и другія официальные личности собора, богословы и члены комиссій всѣ принадлежатъ къ партіи итальянскихъ ультрамонтановъ. Папа, хотя рѣдко самъ посѣщаетъ конгрегаціи, знаетъ однако все, что дѣлаютъ тамъ и го-

ворять. Ему о всемъ подробно доносятся конгрегаціонные предсѣдатели и вѣрные его споспѣшники—іезуиты; иногда же онъ, говорятъ, довѣряя своему слуху болѣе, чѣмъ донесеніямъ своихъ вѣрныхъ слугъ, тайно подслушиваетъ и самъ разсужденія членовъ собора, пользуясь для сего прекраснымъ акустическимъ устройствомъ смежныхъ съ соборною залою отдѣленій базилики св. Петра. По правиламъ іезуитской нравственности какъ подслушиваніе, такъ и поощреніе и принятіе тайныхъ доносовъ, чего гнушаются честные люди, не составляютъ качествъ, несомвѣстныхъ съ достоинствомъ намѣстника Христова и преемника св. Петра!

Засѣданія собора идутъ правильно, но дѣла ведутся на немъ крайне медленно; и потому вообще сдѣлано на соборѣ немного. Сами члены собора считаютъ его какъ бы еще не начинавшимся, потому что почти ничего на немъ не сдѣлано еще до настоящаго времени. »Ты спрашиваешь, когда кончится соборъ, писалъ одинъ епископъ къ нѣкоторому священнику; я тебѣ отвѣчу на это тогда, когда ты мнѣ скажешь, когда онъ начнется«. Прежде всего подверглись обсужденію конгрегацій каноническія постановленія относительно различныхъ предметовъ вѣры, ученія другихъ неримско-католическихъ вѣроисповѣданій и доктрины независимой философіи и нравственности. Программа предметовъ, подлежащихъ сужденію собора, содержащая въ себѣ двадцать одинъ канонъ, была сообщена епископамъ конфиденціально—*sub secreto pontificio*. Она проникнута духомъ римскаго абсолютизма и крайней нетерпимости въ ученію и мнѣніямъ противнымъ римской церкви и требуетъ борьбы противъ свободы мысли и жизни. Чтобы познакомить читателей нашего журнала съ содержаніемъ и духомъ каноновъ, которые въ настоящее время разсматриваетъ и обсуждаетъ римскій соборъ, мы считаемъ нужнымъ въ короткихъ словахъ показать сущность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Каноны эти же-

лаютъ поразить анаѳемю между прочими и слѣдующихъ якобы еретиковъ. Кто говоритъ, что религіозныя секты должны были терпимы, — да будетъ проклятъ. Кто говоритъ, что церковь подчиняется свѣтской власти, — да будетъ проклятъ. Кто говоритъ, что Христосъ не далъ церкви власти обузывать и силою принуждать къ повиновенію непокорныхъ и заблуждающихся, — да будетъ проклятъ. Кто говоритъ, что вѣрь римской церкви возможно спасеніе, — да будетъ проклятъ. Кто отвергаетъ главенство апостола Петра, слѣд. и папы надъ всею церковью, — да будетъ проклятъ. Кто не признаетъ за папою высочайшей и паче всѣхъ юрисдикціи надъ всею церковью, — да будетъ проклятъ. Кто говоритъ, что каноническіе законы необязательны, если не признаны властію государственною, — да будетъ проклятъ и пр. и пр. Съ 10 февраля началось обсужденіе Катехизиса, въ которомъ семь епископовъ приняли участіе.

Большинство ораторовъ, говорившихъ на соборѣ, разсуждали о данныхъ предметахъ, разумѣется, въ духѣ римской церкви, на принятыхъ ею началахъ, во всемъ согласно съ ея ученіемъ, по руководству папскаго силлабуса, и въ сужденіяхъ своихъ приходили къ результатамъ, которые давно уже извѣстны: что одна римская церковь истинная и вѣдь ея нѣтъ спасенія никому, что одна она учитъ православно и всѣ и во всемъ должны ей повиноваться; что христіане, не признающіе папу главою церкви, осмѣливающимся думать и жить не такъ, какъ указываетъ намѣстникъ Христовъ, — веѣ еретики и схизматики и подлежатъ анаѳемѣ какъ сами, такъ и ученіе ихъ и жизнь и пр. Но къ крайнему изумленію апостольскаго престола, нашлись между членами собора епископы, которые осмѣлились открыто сказать слово правды, глубоко огорчившее папу, сильно раздражившее ультрамонтановъ и соблазняющее вѣрныхъ, преданныхъ римскому первосвященнику католиковъ.

Рѣшимость ихъ коснуться очень щекотливыхъ предметовъ, основательность сужденій, смѣлая рѣчь, ясно и прямо высказавшая злоупотребленія римской курии и настойчиво требовавшая измѣненія многихъ порядковъ, заведенныхъ въ римской церкви, и въ частности на настоящемъ римскомъ соборѣ, поистинѣ достойны уваженія и не останутся безъ послѣдствій въ римско-католическомъ мірѣ. Нѣмецкіе и славянскіе—изъ Австріи—епископы, болѣе другихъ либеральные и болѣе другихъ беспокоящіе римскую курию своимъ просвѣщеннымъ независимымъ образомъ мыслей и смѣлостію, протестовали противъ порядка занятій собора, дающаго одинаковый голосъ всѣмъ епископамъ и требовали обращать вниманіе на число жителей въ епархіи каждаго. Протестовали противъ устава, изданнаго папою, по которому члены собора не пользуются полною свободою въ обсужденіи вопросовъ, а если и получаютъ на то разрѣшеніе, то въ видѣ исключительнаго благоволенія. Они желаютъ, чтобы въ комиссіяхъ, учрежденныхъ для разсмотрѣнія проектовъ, принимали участіе, кромѣ лицъ, назначенныхъ папою, и другіе члены по выбору собора; чтобы отцы собора имѣли доступъ въ комиссіи для изученія вопросовъ, которые они предложитъ пожелаютъ. Протестовали также противъ воспрещенія прочитывать стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ собора, такъ какъ безъ этого невозможно знать соборныя совѣщанія. Пренія о современномъ раціонализмѣ были особенно бурны. Говорили объ этомъ предметѣ, не въ духѣ данной программы, многіе ораторы, въ томъ числѣ—Штросмайеръ епископъ хорватскій-славянскій, и епископы—армянскій, боснійскій, румынскій и другіе. Особенно выдѣлился между ними Штросмайеръ. Его импровизированная двухчасовая рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ въ собраніи. Въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, между прочимъ, порицалъ онъ прин-

ципы и дѣятельность іезуитовъ. »Подумайте досточтимые братія, говорилъ епископъ, о томъ положеніи, въ которомъ вы находитесь относительно этихъ людей. Они заправляютъ всѣмъ соборомъ и руководятъ имъ. Вспомните, что это тѣ самые люди, которые исказили, отвергли постановленія, вами изложенныя, какъ высшею властію въ церковномъ мірѣ; они придумали и написали свои постановленія». Кардиналъ Капальти, предсѣдавшій въ то время въ собраніи, назвалъ рѣчь Штросмайера рѣзкой до неприличности и призвалъ оратора къ порядку. Епископъ возразилъ, что его слова внушены ему ревностію служенія Богу и относятся только къ тѣмъ, на комъ тяготѣетъ отвѣтственность за всѣ бѣдствія церкви. Онъ по совѣсти не можетъ сказать менѣе того, что сказалъ. Онъ прямо называлъ въ рѣчи своей первымъ врагомъ церкви орденъ общества Іисуса. Достопочтенный епископъ за откровенную и смѣлую свою рѣчь едва не поплатился жизнью. Вечеромъ, когда онъ возвращался домой изъ собранія, на него напали убійцы. По счастью случились прохожіе; они успѣли на помощь епископу и спасли его отъ смерти. Римская полиція успѣшила замаять это дѣло, чтобы не обнаружить виновниковъ покушенія на такое гнусное злодѣяніе. Въ другомъ собраніи Штросмайеръ держалъ рѣчь объ ультрамонтанскихъ журналахъ и доказывалъ, что они должны быть отмѣчены особымъ клеймомъ между періодическою печатью, какъ органы низкопоклонства, клеветы и низости. Ультрамонтанской журналистикѣ, говорилъ ораторъ, мы обязаны тѣмъ, что католицизмъ пріобрѣлъ столько враговъ, потому что она изображаетъ религію въ видѣ преграды цивилизаціи и прогрессу. Ультрамонтанизмъ совершенно противоположенъ истинному католицизму, утверждалъ епископъ.

Монсиньеръ Дюпанлу, епископъ орлеанскій, открытый и крѣпкій противникъ догмата о непогрѣшимости папы,

смѣло говорилъ на соборѣ противъ новыхъ правилъ церковной дисциплины, составленныхъ комиссіею и предложенныхъ, по желанію папы, на утвержденіе собора—съ цѣлію усилить власть римской куріи и ослабить значеніе власти епископской. Онъ говорилъ: римская курія присвоиваетъ себѣ права, принадлежащія епископамъ и, какъ милость, даетъ имъ то, чего желаетъ; управление церковію сосредоточивается въ рукахъ незначительной горсти іезуитовъ; власть епископовъ сильно подорвана, ее нужно возстановить во всей полнотѣ, а не уничтожать окончательно. Предлагаемые измѣненія дисциплинарныхъ правилъ измѣняютъ характеръ отношеній между епископами и подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ. Ораторъ краснорѣчиво и настойчиво доказывалъ необходимость провинціальныхъ синодовъ, иной организациі нынѣшняго якобы вселенскаго собора въ Римѣ и возстановленія правъ епископовъ.

Генваря 14 въ генеральной конгрегациі говорилъ халдейскій католическій патріархъ о правахъ и привилегіяхъ епископовъ, въ томъ же духѣ, какъ и монсеньеръ Діопанлу и высказалъ, между прочимъ, что нѣтъ ничего безумнѣе, какъ усиливать централизацію церковнаго управленія и отнимать у духовенства послѣдніе остатки свободы. При этомъ патріархъ объявилъ, что, отправляясь на соборъ въ Римъ, онъ далъ клятву сохранить неприкосновенными права восточной латинской церкви и заключилъ свою рѣчь словами: «Вы, ваши преосвященства, дѣлайте какъ знаете; а мы, представители востока, сохранимъ свои права, утвержденныя за нами флорентійскимъ соборомъ». Но патріархъ не устоялъ въ клятвенномъ обѣтѣ сохранить права латинской церкви на востокѣ. Въ тотъ же вечеръ ему приказали явиться въ папскій дворецъ безъ всякой свиты. Папа блѣдный и крайне раздраженный встрѣтилъ добродушнаго оратора упреками и повелительно потребовалъ немедленно подписать отреченіе

отъ словъ, произнесенныхъ имъ на соборѣ и отъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, присвоенныхъ латинской церкви на востокѣ. Патріархъ просилъ два дня на размышленіе. »Ты не выйдешь отсюда, пока не подпишешь« — вскричалъ виѣ себя отъ гнѣва римскій властитель... И прелать подписалъ, не желая попасть въ крѣпость св. ангела. О такомъ деспотическомъ самовластіи его святѣйшества самъ прелать—старецъ со слезами на глазахъ рассказывалъ членамъ собора.

Порядокъ изслѣдованій и разсужденій о предметахъ, указанныхъ выше, на римскомъ соборѣ повидимому такой же, какой бывалъ прежде на истинно вселенскихъ соборахъ и какой соблюдается въ высшихъ правительственныхъ собраніяхъ въ конституціонныхъ государствахъ, въ настоящее время; но въ сущности первый совсѣмъ непохожъ на послѣднія. Преній, живаго обмѣна мыслей, возраженій и отвѣтовъ въ засѣданіяхъ римскаго собора не бываетъ. Тамъ ораторы, изъявившіе желаніе говорить о томъ или другомъ предметѣ, по вызову президента, всегда почти наблюдающаго іерархическое старшинство между ними, произносятъ рѣчи, приготовленныя заранее въ тишинѣ кабинета и не имѣющія никакой между собою связи. Эти рѣчи суть нечто иное, какъ рядъ монологовъ, въ которомъ каждый ораторъ развиваетъ свое личное мнѣніе о данномъ предметѣ. Не всѣ слышатъ эти рѣчи, по причинѣ плохаго устройства, въ акустическомъ отношеніи, соборной залы; многіе не понимаютъ рѣчей по незнанію латинскаго языка, на которомъ онѣ произносятся, и никто не дѣлаетъ никакихъ возраженій. Рѣчи соборныя записываются стенографически; но это чисто одна только формальность, потому что чтеніе стенографическихъ отчетовъ не дозволяется никому изъ епископовъ, даже самимъ ораторамъ. Членамъ собора дается только самое скудное извлеченіе, составляемое секретаремъ собора и прошед-

шее чистилищный огонь иезуитской цензуры. Понятно, какія свѣденія о сужденіяхъ соборныхъ и изслѣдованіяхъ почерпаютъ изъ такихъ источниковъ члены собора, не слышавшіе или не понявшіе подлинныхъ рѣчей на соборѣ! Можно ли отъ такихъ членовъ ожидать чего либо инаго, кромѣ безпрекословной подписи опредѣленій, составленныхъ по указанію главы римской церкви?

Вопросъ о непогрѣшимости папы до сихъ поръ не предложенъ собору на разсужденіе и для утвержденія; но онъ болѣе всѣхъ другихъ вопросовъ, какъ и прежде, занимаетъ весь католическій міръ, возбуждаетъ гнѣвъ папы, желающаго быть непогрѣшимымъ, беспокоитъ римскую курію и въ средѣ епископовъ — членовъ собора производитъ разногласіе и вражду. Іезуиты и всѣ ультрамонтаны употребляютъ всѣ возможныя средства и усилія, чтобы непогрѣшимость папы была провозглашена неизмѣннымъ догматомъ римской церкви. Они подали первосвященнику римскому для препровожденія въ соборъ, если онъ благоволитъ на то согласиться, адресъ — *postulatum* — за подписью 410 членовъ собора. Въ немъ, излагая догматическія основанія и историческіе факты, говорящіе, будтобы, въ пользу непогрѣшимости главы церкви, епископы почтительно просятъ соборъ »утвердить декретомъ въ самыхъ точныхъ, не допускающихъ никакого сомнѣнія выраженіяхъ, что власть римскаго папы есть власть верховная, и потому непогрѣшимая во всѣхъ вопросахъ, касающихся вѣры и нравственности, относительно всего, во что должны вѣровать и что соблюдать вѣрующіе, и всего, что они должны отрицать и предавать провлятію«. Чтобы распространить ученіе о непогрѣшимости папы и подготовить католическій міръ къ принятію этого догмата, епископы — сторонники сего ученія, съ праздника крещенія, въ церкви св. Андрея въ Римѣ, каждый день произносятъ проповѣди, въ которыхъ о непогрѣшимости го-

ворять, какъ о вопросѣ уже рѣшенномъ, или—рѣшеніе котораго не подлежитъ сомнѣнію. Для этой же цѣли въ клерикальныхъ журналахъ и въ частныхъ письмахъ ультрамонтаны настойчиво проводятъ въ настоящее время мысль, что римская церковь, потрясенная разномысліемъ, пораженная въ самое сердце религіознымъ индифферентизмомъ, въ догматѣ о непогрѣшимости папы найдетъ самое надежное и вѣрное средство исправить бѣдствія, ее удручающія, скрѣпить узы своихъ разрозненныхъ членовъ и возвратитъ себѣ жизнь и прежнее могущество. Дѣйствительно, если состоитъся утвержденіе непогрѣшимости папы, тогда всякая оппозиція будетъ устранена на вѣки и разногласія не будутъ. Тогда останутся—только неограниченный повелитель и слѣпо покорные подчиненные. Тогда всякое разногласіе будетъ оканчиваться однимъ словомъ папы: *Roma locula est, causa finita est...* Какая свѣтлая будущность для римскаго—католическаго міра!....

Но нѣкоторые члены собора—большинство епископовъ французскихъ и почти всѣ епископы нѣмецкіе, славянскіе и мадьярскіе—не желаютъ общаемаго счастья своей церкви, и не раздѣляютъ мыслей ультрамонтановъ о чудодѣйственной силѣ ученія о непогрѣшимости римскаго первосвященника. Эти члены, въ числѣ 137 человекъ, съ своей стороны, составили адресъ римскому первосвященнику. Они доказываютъ въ немъ, что провозглашеніе непогрѣшимости папской въ смыслѣ догмата повергнетъ церковь въ новую борьбу и новыя бѣдствія. Мы несомнѣваемся, пишутъ епископы, въ вѣрѣ паствы нашихъ, но боимся, что провозглашеніе новаго догмата дастъ новое оружіе въ руки враговъ церкви, и послужитъ причиною или поводомъ для правительствъ лишить церковь ея правъ. Въ заключеніе епископы просятъ, чтобы папа не допускалъ преній собора по этому предмету. Почти одновременно съ симъ адресомъ появились въ печати

многія статьи противъ ультрамонтанскаго адреса о провозглашеніи догмата о непогрѣшимости папской. Изъ нихъ болѣе другихъ надѣлала шуму статья германскаго епископа Доллингера, профессора и доктора богословія, въ которой онъ разбираетъ и разбиваетъ совершенно по пунктамъ всѣ доводы іезуитовъ о непогрѣшимости. Сочинитель получилъ отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ бреславскаго университета, благодарственные адреса за означенное сочиненіе. Члены университета заявили Доллингеру »свое глубокое уваженіе и безграничную благодарность за его просвѣщенную, гуманную и истинно ученую статью«. А разгнѣванная римская курія подвергла опалѣ знаменитаго на западѣ богослова, которая успѣла уже высказаться тѣмъ, что кардиналъ Батерини предписалъ архіепископу мюнхенскому немедленно прекратить лекціи богословія доктора Доллингера, потому что его ученіе проникнуто ересью.

Третья группа членовъ собора, состоящая болѣею частью изъ епископовъ испанскихъ и англійскихъ, въ своей петиціи предложила мѣру, которою думаютъ примирить противниковъ и сторонниковъ догмата о непогрѣшимости. Они предлагаютъ ограничить папскую непогрѣшимость сферой чисто религіозныхъ вопросовъ. Предлагаютъ провозгласить на соборѣ, что для единства церкви весьма важно признаніе вѣрующими, что папа не можетъ ошибаться въ вопросахъ вѣры, но не возводитъ сего ученія въ неизмѣнный догматъ, непризнаніе котораго влечетъ за собою отлученіе отъ церкви. Такою нехитрою сдѣлкою, думаютъ миротворцы, можно избѣгнуть столкновенія между церковью и государствами.

Второй и третій адресъ пала отвергъ, первый же принялъ, но не передалъ его до сихъ поръ собору на разсужденіе. Это не значитъ, что оппозиція меньшинства членовъ собора принудила Пія IX отказаться отъ намѣренія внести

въ число догматовъ непогрѣшимость папы. Нынѣшній первосвященникъ римской церкви, отличающійся, какъ извѣстно, упорною настойчивостію въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, не откажется изъ-за такихъ препятствій отъ своего задушевнаго желанія, которое при томъ поддерживаютъ въ немъ изумительно стойкіе въ своихъ стремленіяхъ іезуиты и большинство членовъ собора. Это значитъ только то, что папа, по преданіямъ и правиламъ римской политики, выжидаетъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми и не замедлитъ воспользоваться, какъ скоро онѣ настанутъ.

Честное, откровенное выраженіе мыслей, которыхъ никто изъ здравомыслящихъ людей отвергать не станетъ, и заявленіе фактовъ, очевидныхъ для всѣхъ—вызвали, какъ мы видѣли выше, со стороны римской куріи неблаговоленіе къ смѣлымъ ораторамъ. Вмѣстѣ съ симъ она предприняла репрессивныя мѣры и противъ всѣхъ членовъ собора съ цѣлію вразумить и обуздать независимыхъ епископовъ и предохранить другихъ отъ ихъ либерализма. До сихъ поръ епископы собирались группами по различію національностей для частныхъ совѣщаній. Французскіе епископы собирались у кардинала Боншозъ, англійскіе у епископа вестминстерскаго, бельгійскіе у монсиньера Дешамъ и т. д. Теперь же воспрещено имъ собираться вмѣстѣ болѣе двухъ разомъ. Они расположены по квартирамъ съ самою мудрою іезуитскою предусмотрительностію; личности, на которыхъ нельзя положиться и которые еще колеблются въ своихъ убѣжденіяхъ, помѣщены въ назидательное сосѣдство и сообщество преданныхъ римскому престолу ультрамонтановъ, такъ что на пять, на шесть сильныхъ ломѣщается одинъ слабый. Іезуитамъ поручено вывѣдывать ихъ мысли и сообщать о всемъ куда слѣдуетъ. Къ каждому кардиналу, увѣряютъ многіе газеты (Крестовая газета Temps и др.) приставленъ особый шпионъ въ качествѣ секретаря изъ іезуи-

товъ, по назначенію самаго папы. Въ конгрегаціяхъ позволяютъ говорить только о предметахъ, указанныхъ въ программѣ и неизмѣнно согласно съ ученіемъ и каноническими правилами римской церкви. Свободная мысль, неосторожное слово вызываютъ предостереженіе и могутъ лишить права рѣчи на соборѣ. Кельнская газета, въ позднѣйшихъ номерахъ увѣряетъ, что »теперь епископы окончательно лишены права обсуждать и рѣшать вопросы«. »Если такъ будетъ продолжаться, сказалъ недавно одинъ французскій епископъ, то дойдутъ до того, что будутъ присылать намъ даже св. воду изъ Рима«. »Это не соборъ, а инквизиція«, сказалъ во всеуслышаніе о настоящемъ римскомъ соборѣ кардиналъ Матье, уѣзжая изъ Рима. Говорятъ, что у папы есть мысль закрыть на время римскій соборъ, чтобы на свободѣ успѣшнѣе приготовить вѣрныя средства кончить дѣло, какъ хочется; чтобы томительною проволочкою, кое-какими стѣсненіями и лишеніями охладить горячую оппозицію, обуздать и вразумить дерзкихъ либераловъ и всѣхъ убѣдить *добровольно* подписать все, что прикажутъ. Такіе маневры удались Евгенію IV на ферраро-флорентинскомъ соборѣ, Павлу III, Юлію III и Пію VI на тридентскомъ. Почему же подобный маневръ не удался Пію IX?

Б.

НАПРАСНЫЯ ОПАСЕНІЯ.

«Въ особой высшей правительственной комиссіи» вопросъ о допущеніи русскаго языка при богослуженіи иновѣрцевъ рѣшенъ въ самомъ положительномъ смыслѣ. Теперь значить и въ римско-католическомъ костелѣ, и въ протестантской кирхѣ, и въ еврейской синагогѣ, и въ татарской мечети всѣ богослуженія могутъ быть совершаемы на

русскомъ языкѣ; теперь значить и ксендзы, и пасторы, и равнины, и муллы будутъ поучать своихъ послѣдователей по русски; теперь значить и новѣрцамъ облегчена пропаганда ихъ ученія. Поучая своихъ единовѣрцевъ, они съ тѣмъ вмѣстѣ будутъ сѣять сѣмя своего ученія и въ сердцахъ людей, не принадлежащихъ къ ихъ исповѣданію, но случайно, по любопытству, по приглашенію зашедшихъ въ богослужебныя ихъ собранія. Доселѣ пропаганда ограничивалась домашними, такъ сказать, средствами; доселѣ прозелиты иноисповѣдныхъ и новѣрныхъ ученій могли быть приобрѣтаемы только при случайныхъ обстоятельствахъ, благопріятныхъ пропагандѣ, и могли быть посвящаемы далеко не во всѣ тайны пропагандируемаго ученія. Теперь же иновѣрецъ — пропагандистъ свободно и смѣло можетъ сказать своему прозелиту: »приходи въ наше богослужебное собраніе, и ты вполне познакомишься съ нашей вѣрою, увидишь ее, такъ сказать, на дѣлѣ! И сколько соблазна для благовѣрныхъ, или не имѣющихъ познанія истинной вѣры — увлечься иноисповѣднымъ ученіемъ, выставляемымъ на видъ особенно тою своею стороною, которая не чужда свѣта истины! Иноисповѣдныя отличія не настолькоъ ясны для всякаго, чтобы при общихъ чертахъ, существенно свойственныхъ всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, легко могъ замѣтить ихъ человекъ, чуждый богословскаго образованія. А какой просторъ индифферентизму! Не только христіане разныхъ исповѣданій, но и иновѣрцы при сношеніяхъ другъ съ другомъ и прежде говорили уже: »и мы, и вы, вѣруемъ всѣ и молимся одному и тому же Богу, только вы въ своихъ церквахъ, а мы въ своихъ, мы — по своему, и вы — также; и у васъ, и у насъ заповѣди — однѣ и тѣже: почитай отца и мать, не убій, не украдь и проч.; — языкъ только другой у насъ«... Теперь же и языкъ почти тотъ же: у православныхъ — славянскій, у всѣхъ другихъ — русскій. Вотъ,

положимъ, случилось зайти кому нибудь изъ православныхъ хоть бы въ воскресенье на первой недѣли поста, въ кирху, — читается тамъ *евангеліе* объ искушеніи Господа діаволомъ, въ пустыни, поются псалмы и молитвы, говорится проповѣдь, хоть и длинная, но понятная, именно о томъ, какъ многіе люди, подобно діаволу, искушавшему Спасителя, соблазняютъ другихъ на недоброе дѣло, обѣщая за это и выгоду, и безопасность и проч. Тоже *евангеліе* слышатъ другіе и въ костелѣ; читается здѣсь и *апостолъ*, и *вѣрую*, и *отче нашъ*, поется и *Святый Боже*, и проповѣдь также есть: ксендзь доказывалъ, что многіе люди хуже діавола вредятъ своимъ ближнимъ. Какое же вѣронсовѣдное отличіе тутъ можетъ представиться, кромѣ внѣшнихъ обрядныхъ отличій, чело-вѣку, для котораго религія, молитва бѣ Богу, нравственность — не только соотносительныя понятія, но и почти то-жественныя? Иному, предположимъ еще, пришлось побывать въ субботу въ еврейской синагогѣ: поютъ и читаютъ и здѣсь главнымъ образомъ псалмы, раввинъ читаетъ, затѣмъ, отрывокъ изъ пятокнижія, и наконецъ — проповѣдь въ формѣ бесѣды о прочитанномъ изъ закона, — хоть бы, напримѣръ, о неосторожномъ поступкѣ Ноя послѣ потопа и недостойномъ поведеніи при этомъ одного изъ сыновей его. Какое же впечатлѣніе произведетъ все это на простаго вѣрующаго? » И еврейская вѣра хороша, почти такая же, какъ и нѣмецкая: въ простотѣ сердца можетъ сказать онъ, » да и другія вѣры, должно быть, угодны Богу, такъ какъ во всѣхъ вѣрахъ и Богу молятся, и учатъ добру, и читаютъ понятно священное Писаніе, и главное — Псалтырь! » Вотъ это будетъ наилучшая почва для религіознаго индифферентизма для отрицанія всего теоретическаго въ религіи, что недалеко и отъ безбожія. Вотъ опасенія пессимистовъ, можетъ быть и вполнѣ искреннія, но во всякомъ случаѣ *напрасныя* опасенія! Отъ

разрѣшенія вѣмъ иновѣрческимъ исповѣданіямъ свободно пользоваться русскимъ языкомъ съ немалою основательностію ожидается, напротивъ, значительная доля благотворнаго вліянія на сознательное отношеніе къ истинному исповѣданію даже тѣхъ самыхъ, которые доселѣ относились къ нему съ нѣкоторою легкостію и, пожалуй, хладнокровіемъ. Какъ цѣнность и достоинство всякой вещи и дѣла опредѣляется сравненіемъ съ другими однородными вещами и дѣлами, такъ и значеніе предметовъ, относящихся къ міру духовному, лучше всего можетъ быть представлено по сравненію съ другими однородными предметами: безъотносительныхъ сужденій о предметахъ въ обиходномъ человѣческомъ мышленіи весьма немного бываетъ въ употребленіи. Можетъ быть многіе отъ того такъ мало и цѣнятъ счастье обладанія истинною вѣрою, что не представлялось имъ случая и повода къ сравненію своей вѣры съ другими исповѣданіями вѣры; можетъ быть отчасти отсюда и происходитъ то безсознательное отношеніе къ вѣрѣ, какое мы видимъ у многихъ изъ нашихъ православныхъ соотечественниковъ. Крѣпкая, непреодолимая и въ полномъ смыслѣ слова разумная вѣра христіанъ первыхъ вѣковъ возбуждалась именно сознательнымъ отношеніемъ къ язычеству и іудейству, пониманіемъ ложности того и ошибочности другаго, а вслѣдствіе этого и многоцѣнность истинной вѣры возвышалась до безконечности. Пусть же и наши православные современники дойдутъ до такого сознательнаго отношенія къ своей вѣрѣ хотя путемъ нагляднаго сравненія православнаго исповѣданія вѣры съ другими исповѣданіями; а этотъ путь значительно облегчается послѣдовавшимъ разрѣшеніемъ замѣнять русскимъ языкомъ языки иностранные во всѣхъ иновѣрческихъ богослуженіяхъ. И не грѣшно ли было бы при этомъ опасаться, что при сравненіи перевѣсъ не будетъ на сторонѣ истины? И чѣмъ другимъ, какъ не отсутствіемъ недовѣрія къ внут-

ренней силѣ и истинности православія было бы опасеніе допускать такое сравненіе? Непредложная и непобѣдимая внутренняя сила православнаго христіанскаго ученія не нуждается въ такой съ нашей стороны охранѣ, чтобы мы исповѣдающимъ его не позволяли знать и слышать о другомъ какомъ либо исповѣданіи? Всякая ложь тогда только и можетъ быть изобличена, когда она бываетъ узвана, обнаружена и поставлена лицомъ къ лицу съ истиною. Въ частныхъ явленіяхъ жизни ложь можетъ иногда являться только преобладающею, да и то, въ существѣ дѣла, *повидимому* только: въ общемъ же теченіи жизни царитъ истина, хотя это и не всегда замѣчается наблюдающими надъ явленіями жизни. Нечего же беспокоиться изъ-за того только, что православные, побывавъ въ иновѣрческихъ церковныхъ собраніяхъ и услышавъ отправляемое въ нихъ на понятномъ для себя языкѣ богослуженіе, приобрѣтутъ равнодушіе къ своей православной вѣрѣ, или же увлекутся иновѣрными исповѣданіями. По свойству человѣческой природы, вниманіе людей больше всего привлекаетъ къ себѣ все таинственное, сокрытое, неизвѣстное, и чтобы отвлечь вниманіе отъ этого, стѣбитъ только указать, что прячется подъ тайною, подъ покровомъ неизвѣстности. Это самое нужно примѣчать и въ дѣлѣ, о которомъ мы говоримъ: когда съ иновѣрныхъ исповѣданій снимется покрывало, какимъ служили доселѣ иностранные языки, то вниманіе къ этимъ исповѣданіямъ охладѣетъ даже въ тѣхъ, которые дотолѣ почему либо интересовались оными. *впередъ*

Но если съ общей точки зрѣнія приведенныя выше опасенія и совершенно напрасны, то далеко не излишни взятыя во время серьезнаго предосторожности пастырей православныхъ, паства которыхъ находится среди иновѣрцевъ. Въ опасеніяхъ пессимистовъ больше всего выставляется на видъ, что въ иновѣрческихъ богослуженіяхъ, илѣющаго совершаться на русскомъ языкѣ, присутствующему при этомъ пра-

вославному все будетъ понятно: и псалмы, и молитвы, и проповѣдь, и отсюда уже проглядываетъ не высказываемый выводъ, что такъ какъ многіе православные, присутствуя въ своихъ храмахъ, не понимаютъ почему-либо читаемаго и поемаго, то поэтому и могутъ увлечься понятностію и ясностію совершаемаго въ религіозныхъ собраніяхъ иновѣрцевъ. Вотъ на это-то и слѣдуетъ, первѣе всего, обратить вниманіе православнымъ пастырямъ. Кто доведетъ свою паству до такого состоянія, чтобы каждый присутствующій въ храмѣ ясно разумѣлъ то, что слышитъ и видитъ, тому нечего опасаться, что прихожане его могутъ увлечься понятностію въ иновѣрческой религіи. — Далѣе, въ опасеніяхъ особенно указывается на то, что во всѣхъ иновѣрческихъ исповѣданіяхъ наблюдатель можетъ видѣть много общаго всѣмъ исповѣданіямъ, и что вслѣдствіе этого у такого наблюдателя можетъ ускользнуть существенная разница между исповѣданіями. Необходимо, поэтому, приходскому пастырю указать существенныя отличія православнаго истиннаго ученія отъ того исповѣданія, среди членовъ котораго живутъ его прихожане. Не разъ высказанное въ церкви и внѣ церкви отличіе безъ труда можетъ быть усвоено прихожанами, какъ бы мало ни были они знакомы съ теоретическою стороною вѣры. На страницахъ нашего журнала не замедлятъ появиться образцы ученій къ простому народу въ самыхъ короткихъ, но существенныхъ чертахъ, — излагающихъ отличіе православнаго ученія отъ католичества, протестантства, и затѣмъ отъ еврейства и магометанства, а между прочимъ и отличіе православія отъ разныхъ раскольническихъ сектъ. — Обращается, затѣмъ, вниманіе, въ опасеніяхъ пессимистовъ, на *возможное* усиленіе иновѣрческой пропаганды. Но отчего же не усилить православнымъ пастырямъ и съ своей стороны пропаганды, пользуясь тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользуются иновѣрные пропагандисты? *Дѣйствительное* усиленіе пра-

вославленной пропаганды парализируетъ *возможное* иновѣрческой, тѣмъ болѣе, что по существующимъ законамъ все въ выгоды на сторонѣ православной пропаганды, независимо отъ внутренней, убѣждающей силы самаго православія. Когда и безъ нашихъ стараній цѣлыя католическіе приходы съ своими пастырями обращаются въ православіе, когда эсто-латышское протестантское населеніе также устремляется къ православію; то что же могло бы быть, если бы пастыри православные, встрѣтивъ содѣйствіе, а не равнодушное отношеніе къ дѣлу со стороны свѣтскаго православнаго общества какъ служащаго, такъ и не служащаго, устремили свои усилія къ распространенію православнаго ученія въ средѣ иновѣрцевъ? Русскій языкъ въ иновѣрческомъ богослуженіи можетъ даже быть передовымъ миссіонеромъ православія въ этомъ случаѣ. Привыкшіе молиться по русскому молитвеннику и пѣть псалмы по русски, католики, протестанты и евреи легче и скорѣе могли бы научиться молиться по славянскому православному молитвеннику, привыкнуть слушать чтеніе и пѣніе псалмовъ по славянски, а о проповѣди уже и говорить нечего, такъ какъ она одинаково по русски произносится и въ православномъ храмѣ... Такимъ образомъ разрѣшеніе всемъ иновѣрцамъ пользоваться свободно русскимъ языкомъ въ своихъ религіозныхъ общественныхъ дѣйствіяхъ вмѣсто опасеній даетъ основаніе даже къ отраднымъ ожиданіямъ. Можетъ быть этою правительственною мѣрою пролагается путь къ тому будущему, когда все русскіе подданные *единими усты и единымъ сердцемъ* будутъ славить и воспѣвать пречестное и великолѣпное имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Не опасеніями, вслѣдствіе этого, а радостными привѣтствіями должно быть встрѣчаемо расширеніе правъ русскаго языка. Языкъ, служа выраженіемъ міровоззрѣній народа, говорящаго на немъ, вмѣстѣ съ своимъ распространеніемъ въ извѣстной средѣ, распростра-

еть и міровоззрѣнія, выражаемая имъ. Русскій языкъ, распространяемый между иновѣрцами-инородцами, будетъ самъ собою распространять православныя міровоззрѣнія русскаго народа, а способствуя объединенію окраинъ и обрусенію инородцевъ, онъ сдѣлаетъ то, что религіозная рознь перестанетъ опредѣлять собою національную или даже политическую обособленность, что весьма не мало важно и для самой Церкви православной, такъ какъ ея благо, процвѣтаніе и успѣхъ тѣсно связаны съ государственнымъ благосостояніемъ. Если въ настоящее время православіе наше и подняло нѣсколько главу свою въ нашихъ окраинахъ, то это случилось одновременно съ возвышеніемъ тамъ русской гражданственности. Поэтому, еслибы допущеніе русскаго языка въ иновѣрческихъ богослуженіяхъ было вызвано только исключительно политическими и гражданственными соображеніями, то и въ такомъ даже случаѣ неумѣстно было бы обнаруживать опасенія по поводу приведенія въ исполненіе этой правительственной мѣры. Политическіе недруги русскаго государства высказываютъ точно такія же опасенія на счетъ православной пропаганды между инородцами-иновѣрцами, какъ и наши пессимисты; во введеніи русскаго языка въ иновѣрческія богослуженія они именно видятъ покушенія на свободу совѣсти иновѣрцевъ со стороны господствующаго въ государствѣ исповѣданія; а что эти опасенія касаются близко ихъ сердца, свидѣтельствомъ тому служатъ та зазорная брань, съ которою они встрѣтили еще предположенія только допустить русскій языкъ въ иновѣрческія богослуженія. Есть ли же послѣ этого серьезное основаніе къ опасеніямъ съ нашей стороны? Не напрасны ли таковыя опасенія?

X. O.